

Глава 20

Надетый на запястье браслет подавлял распространение феромонов, поэтому одноклассники не замечали ничего необычного.

Сун Юань, видя, что Му Ань уже долго лежит, не поднимая головы, тронул его за плечо и тихо спросил:

— Аньань, что с тобой?

Му Ань уткнулся лицом в сгиб локтя. Его спина напряжённо выгнулась тонкой дугой. Слегка повернув голову, он явил другу бледное, как бумага, лицо.

Губы его едва шевельнулись, издав лишь тихий вздох.

— Плохо...

Сун Юань видел, в каком он плачевном состоянии.

— Ты можешь встать? Я отведу тебя в медпункт.

Но у Му Аня так сильно кружилась голова, что, едва поднявшись, он пошатнулся и чуть не упал. Сун Юань тут же усадил его обратно, не решаясь больше трогать. Он хотел позвать учителя, чтобы тот связался с родителями Му Аня и его забрали домой.

Однако, добравшись до поворота лестницы, он нос к носу столкнулся со спешащим вниз Мо Сюаньчжу.

— Где Аньань? Что с ним?!

— Я как раз шёл к учителю, — торопливо ответил Сун Юань. — Кажется, он заболел, даже на ногах стоять не может. В медпункт, наверное, нет смысла, нужно в больницу.

— Попроси за него отгул у учителя, я его сейчас же заберу, — с тревогой в голосе бросил Мо Сюаньчжу.

С этими словами он сорвался с места и помчался к кабинету их класса. Резко распахнув заднюю дверь, он увидел Му Аня, который лежал на парте, тяжело дыша. Его лицо было настолько бледным, что казалось, он вот-вот потеряет сознание.

Мо Сюаньчжу перепугался до смерти. Он подхватил Му Аня на спину и, не разбирая дороги, бросился вниз по лестнице, к школьным воротам.

Воспоминания о том, как Му Ань в детстве попал в больницу, оставили в его душе глубокий шрам. Только что он тайком сидел в телефоне на уроке, как вдруг получил сообщение от Мо Шияня. Он не успел даже задуматься, откуда брат узнал обо всём раньше него, но инстинкт подсказывал: с Аньанем случилась беда.

— Аньань, Аньань, потерпи ещё немного, брат Шиянь уже едет за тобой, — говорил Мо Сюаньчжу, ожидая у ворот и поворачивая голову к мальчику у себя за спиной. — Что с тобой стряслось, где болит? Та болезнь ведь прошла и больше не возвращалась? Что же опять случилось...

Неподалёку к школьным воротам на огромной скорости приближался чёрный автомобиль.

Раздался резкий, оглушительный визг тормозов.

Му Ань медленно приподнял веки и взглянул в сторону машины.

Высокая фигура вышла из неё и в несколько шагов оказалась рядом с ними.

— Аньань.

Мо Шиянь позвал его. Му Ань обмяк на спине Мо Сюаньчжу, словно обессиленный котёнок. Его по-детски милое лицо было бледным и хрупким, а в глазах, похожих на стеклянные бусины, погас огонёк. Вид у него был донельзя жалкий.

Протянув к нему руки, Мо Шиянь мягко сказал:

— Иди ко мне, брат тебя понесёт.

Мо Сюаньчжу уже порядком устал его нести, по лбу струился пот.

Находившийся в полузабытьи Му Ань, словно подчиняясь инстинкту, подался в сторону Мо Шияня и оказался в знакомых, надёжных объятиях. Он прижался щекой к дорогой, идеально сшитой ткани костюма и тихо прошептал:

— Брат...

Сознание, которое он до этого с трудом удерживал, начало рассеиваться. В момент слабости он нашёл опору, и стена стойкости, которую он так старательно возводил, рухнула. Устроившись в объятиях брата, он, обессиленный, закрыл глаза.

Мо Шиянь держал его легко, без видимых усилий, отчего Му Ань, который на спине Мо Сюаньчжу казался худым и вытянутым, теперь будто сжался в маленький комочек.

Они сели в машину. Мо Сюаньчжу устроился на переднем сиденье, и Чжао Чжоу на максимальной скорости повёз их в больницу.

Всю дорогу в салоне стояла напряжённая тишина.

Любой родитель переживает за своего ребёнка, особенно когда жизнерадостный и красивый малыш вдруг тихо лежит с закрытыми глазами, не разговаривает, не льнёт с лаской, не трётся, как котёнок. Видеть такое было больнее, чем укол иглы.

Мо Шиянь крепко обнимал мягкое, горячее тельце. Одна его рука лежала на затылке Му Аня, ладонью прикрывая лоб, чтобы постоянно чувствовать жар, а другая быстро просматривала данные, поступающие с браслета на запястье.

Чем дольше он смотрел, тем мрачнее становилось его лицо.

Когда на телефоне сработала сигнализация, он был на совещании. Не сказав ни слова, он встал и вышел.

На экране всплыло окно с огромными кроваво-красными буквами, предупреждающими о зафиксированной в короткий промежуток времени высокой концентрации феромонов омеги.

Но браслет был ингибитором, блокирующим внешние феромоны.

Оставалась лишь одна возможность: у Му Аня началась преждевременная дифференциация.

Когда Му Ань очнулся, ему уже ввели успокоительное. Он моргнул, чувствуя, что все неприятные симптомы исчезли. Только шея сзади немного отекала и онемела — не то чтобы больно, но ощущение было странным.

Он попытался сесть, но тяжёлая ладонь легла ему на плечо, мягко удерживая на месте.

Мо Шиянь сидел у кровати и смотрел на него.

— Полежи ещё.

— Брат, — Му Ань повертел головой, его глаза снова засияли, — это ты привёз меня в больницу?

— Да, — Мо Шиянь снова придержал его голову, не давая вертеться. — Голова ещё кружится?

— Уже нет, — ответил Му Ань.

— Где-нибудь ещё болит?

— Кажется... нет, — Му Ань помолчал и честно добавил: — Только на шее как-то неприятно.

Он хотел было дотронуться до больного места, но Мо Шиянь перехватил его руку.

— Это нормально. Ты только что дифференцировался, и твоя железа начала развиваться. В процессе развития ты будешь время от времени чувствовать отёк, боль и онемение, — наставлял он. — Руки грязные, не трогай.

Му Ань широко раскрыл глаза и с надеждой спросил:

— Я и правда дифференцировался в омегу?

— Да, — Мо Шиянь улыбнулся. — Тебе не нравится этот пол?

— Но в детстве генетический тест показал, что я стану альфой! С вероятностью девяносто девять процентов!

— Потому что ты — тот самый один процент.

Лицо Му Аня тут же сморщилось.

— Ну почему так... Они всё напутали, просто деньги выманивали, да? Что это за компания? Можно на них в суд подать за обман ребёнка?

— Генетический тест не даёт стопроцентной гарантии, — объяснил Мо Шиянь. — Ты был слишком мал, когда его делал. Если бы мы повторили его в прошлом году, результат был бы точнее.

Получается, тот отчёт не имел особой ценности, а Му Ань всё это время считал девяносто девять процентов гарантией и даже строил планы на свою жизнь в качестве альфы.

Теперь всё пошло прахом?

И двести юаней, которые он поставил на кон, тоже улетели в трубу.

Видя, что он надулся и молчит, Мо Шиянь спросил:

— Ты так хотел стать альфой?

Му Ань серьёзно задумался, потом сел на кровати и, придвинувшись ближе, спросил в ответ:

— А кем бы ты хотел, чтобы я стал?

— Мне всё равно, — ответил Мо Шиянь.

— Так нечестно, выбери что-то одно, — не унимался Му Ань. — Наверняка же есть то, что тебе нравится больше? Ты просто не хочешь говорить, боишься меня обидеть? Я не обижусь, скажи, брат.

— Ну скажи.

— Скажи же...

Мо Шиянь действительно не думал об этом. «Всё равно» означало, что второй пол Му Аня никогда не имел для него значения. Но зная настырность мальчика, он понимал: если не выберет что-то одно, тот от него не отстанет.

— Омегой, — сказал он.

Му Ань надул губы.

— Обманываешь.

Наверняка сказал это, чтобы его утешить.

— Не обманываю.

— Как это может быть, что я стал омегой, и тебе как раз больше всего нравятся омеги?

Мо Шиянь мягко поправил его волосы.

— У меня есть только один младший брат, и я, конечно же, люблю именно тебя.

Му Ань понял, что он имел в виду. Значит, брат будет любить его, кем бы он ни стал.

Он ткнулся головой в его ладонь, его глаза округлились.

— ...Правда?

— Правда, — с невозмутимым видом ответил Мо Шиянь. Его спокойный тон внушал абсолютное доверие.

Маленькое личико наконец опустилось, и Му Ань украдкой улыбнулся.

На самом деле, он не был одержим идеей стать альфой, просто был сбит с толку результатами теста.

Но Мо Шиянь, как никто другой, знал, как его успокоить. Он взял его лицо в ладони, приподнял и, слегка сжав пальцами мягкие щёки, приблизил к себе. Увидев, что в глазах мальчика пляшут неудержимые искорки смеха, уголки его собственных глаз тоже изогнулись в улыбке.

— Повеселел?

Му Ань снова опустил голову и, сдерживая смех, упрямо пробормотал:

— Нет.

Но стоило ему опустить голову, как брат снова поднимал его лицо. Он опускал — его поднимали. Эта детская игра, знакомая им с малых лет, всё никак не надоедала.

— Нет? М-м? — с лёгкой улыбкой спросил Мо Шиянь, качая его лицо в своих ладонях. — Точно нет?

— Нет!

— Всё ещё нет?

Му Ань больше не мог сдерживаться. Смеясь и уворачиваясь, он обхватил руку брата и закричал:

— Нет, нет, точно нет...

Мо Шиянь поиграл с ним ещё немного, пока тот, хохоча, не откинулся на подушку.

Услышав шум за дверью, Мо Сюаньчжу заглянул в палату.

— Аньань?

Мо Шиянь помог мальчику сесть, поправил ему воротник и взъерошил волосы. Снова красивый, ухоженный малыш.

— Входи, — разрешил он.

— Аньань, тебе уже лучше? Всё в порядке? — с беспокойством спросил Мо Сюаньчжу.

— Угу, — промычал Му Ань.

— Это была дифференциация?

— Угу.

— Ты омега?

— Угу-угу.

Мо Сюаньчжу, выигравший спор, был вне себя от радости.

— Раз с тобой всё в порядке, я спокоен. Тогда я обратно в школу.

Нужно было скорее сообщить эту новость Цзян Синланю и Сун Юаню.

— Подожди, я с тобой, — Му Ань уже собрался слезть с кровати. — Я ведь в порядке, а мне ещё контрольную доделать надо.

Мо Шиянь обхватил его за талию и усадил обратно.

— Тебе нужно остаться под наблюдением на несколько дней. В школу пока не пойдёшь.

— Но я ещё не всё повторил! — забеспокоился Му Ань. — Послезавтра итоговые экзамены, что мне делать?

Ситуация напоминала ту, что была в первом классе, когда он заболел прямо перед экзаменами.

Но на этот раз Мо Шиянь не собирался идти у него на поводу.

— Можешь не сдавать. Один экзамен для тебя ничего не решает.

Оценки Му Аня никогда не опускались ниже первой тройки в классе, он был стабильным отличником. Но ему казалось, что этот экзамен всё же важен — это ведь итог всего учебного года.

— А можно я сдам экзамен и вернусь?

— Нельзя. Вдруг тебе снова станет плохо прямо на экзамене, — отрезал Мо Шиянь. — Эти несколько дней я побуду здесь с тобой.

Услышав это, глаза Му Аня загорелись.

— Ты всё время будешь здесь?

— Да.

— С утра до вечера?

— Да.

— А как же работа и всё такое?

— Ничего страшного, — успокоил его Мо Шиянь. — Буду только с тобой.

Теперь Му Ань был спокоен. Он с улыбкой повернулся к Мо Сюаньчжу.

— Я не смогу поехать на экзамен, мне нужно остаться под наблюдением. Возвращайся в школу один.

Мо Сюаньчжу потерял дар речи.

Мо Шиянь попросил Чжао Чжоу отвезти его обратно и, выйдя с ним из палаты, о чём-то недолго поговорил. Мо Сюаньчжу тут же выложил всё про их спор.

Это был всего лишь шуточный спор нескольких подростков, и Мо Шиянь не стал его ругать. Вместо этого он отправил Му Аню большой красный конверт с суммой, во много раз превышающей их ставки, назвав это компенсацией за моральный ущерб от брата.

Последние остатки грусти у Му Аня тут же испарились. Какие-то двести юаней — мелочь.

Он был так счастлив, что, ей-богу, согласился бы дифференцироваться ещё раз.

Мо Шиянь сдержал слово и не отходил от него ни на шаг.

Он воспользовался этой возможностью, чтобы провести больше времени с Му Анем. Последнее время он был так занят работой, что чувствовал себя виноватым перед ним. Он даже не заметил, что у мальчика вот-вот начнётся дифференциация.

Раньше такого бы никогда не случилось. В тот день у школьных ворот, когда он взял Му Аня на руки, он понял, что тот сильно подрос, но в его глазах он всё ещё оставался маленьким, хрупким ребёнком, который, когда ему плохо, плачет и зовёт брата.

По дороге в больницу Мо Шиянь тысячу раз упрекнул себя. Он ведь знал, что дифференциация у Му Аня начнётся раньше, чем у других, как он мог быть таким невнимательным? Он должен был уделять ему гораздо больше внимания.

Му Ань не догадывался о терзаниях брата, он просто думал, что у того выдалось несколько свободных дней.

Мо Сюаньчжу принёс его школьный рюкзак, и Му Ань, усевшись за стол, закончил повторять материал, который не успел. Только доведя дело до конца, он почувствовал облегчение.

Пока он решал задачи, Мо Шиянь сидел рядом и работал за ноутбуком. Каждый был занят своим делом, совсем как дома.

Они не разговаривали, но одного лишь ощущения присутствия друг друга было достаточно для полного спокойствия.

Му Ань постоянно чувствовал дискомфорт в области железы на шее, но Мо Шиянь не разрешал ему чесать, даже прикасаться. Приходилось терпеть.

Браслет он по-прежнему носил. Он ещё не научился хорошо контролировать свои феромоны, а из-за повышенной температуры его обоняние притупилось, так что он до сих пор не знал, чем пахнет.

— Руки.

Мо Шиянь в очередной раз перехватил его руку и опустил вниз. Му Ань, не заметивший, что снова потянулся к шее, недовольно насупился.

Через некоторое время он спросил:

— Брат, я сам не буду трогать, а ты можешь мне почесать?

— Не могу, — безжалостно ответил Мо Шиянь.

— Хмф.

Он снова уткнулся в тетрадь, но сосредоточиться уже не мог.

— Браслет полностью блокирует феромоны? — снова спросил он.

— На 99,9%, — ответил Мо Шиянь, не отрываясь от документа.

— А.

Он лёг на стол, зажал ручку между носом и верхней губой и, поиграв так немного, снова заговорил:

— А чем пахнут мои феромоны?

Говоря это, он изо всех сил втянул носом воздух, но в носу лишь зашипало, а запаха он так и не почувствовал.

Мо Шиянь взглянул на него и забрал ручку.

— Когда поправишься, сам узнаешь.

В его медицинском отчёте было написано «сладкий фруктовый аромат». Му Аню не терпелось узнать, какой именно. Он придвинулся к брату.

— Брат, может, ты мне скажешь? В тот день, когда врач меня осматривал, ты что-нибудь почувствовал?

— Нет.

— Тогда понюхай сейчас и скажи, — сказал Му Ань, собираясь нажать на кнопку браслета.

— Аньань, — Мо Шиянь перехватил его руку, — о чём я тебе только что говорил?

Му Ань сморщил нос.

— Я знаю, феромоны — это очень личное, нельзя обсуждать это с кем попало, это невежливо, и уж тем более нельзя выпускать их при представителях другого пола, это может быть расценено как домогательство... Но ты же не кто попало.

— Ты мой брат, — тихо пробормотал он. — Тебе тоже нельзя?

Мо Шиянь посмотрел на него и терпеливо объяснил:

— Брат тоже другого пола. Нельзя позволять никому из другого пола вдыхать твои феромоны, даже самым близким. Кроме того, в школе тебе нужно будет соблюдать дистанцию с одноклассниками другого пола. Браслет носи постоянно, а при необходимости используй блокирующие пластыри. И никому не позволяй видеть свою шею сзади.

— Тебе тоже нельзя смотреть? — снова спросил Му Ань.

— Мне тоже нельзя, — подтвердил Мо Шиянь.

Му Ань отвернулся и лёг на стол. Ему было трудно привыкнуть к таким переменам.

В его сознании Мо Шиянь всегда был отделён от всех остальных. Раньше он мог делать с братом всё что угодно, но после дифференциации вдруг появилось столько «нельзя», «невозможно», «запрещено».

Так сложно. словно между ним и братом выросла невидимая стена, которая разделяла их.

Ему не нравилось это чувство отчуждённости.

Мо Шиянь заметил его настроение и успокаивающе погладил по затылку.

Подростки в этом возрасте очень переменчивы, ему нужно было время, чтобы всё осознать.

Му Ань послушно лежал, пока его гладили по голове, и через некоторое время обида прошла.

Когда Мо Шиянь вышел на балкон, чтобы ответить на звонок, мальчик воспользовался моментом и проскользнул в ванную. Он долго изучал свой браслет и тайком немного понизил уровень блокировки.

Кажется, обоняние к нему вернулось. Он медленно уловил в воздухе лёгкий сладкий аромат.

Он удивлённо распахнул глаза и, оперевшись на раковину, принялся обнюхивать свою одежду. Кажется, запах исходил от него.

Это были его феромоны.

Сладкий аромат показался ему знакомым, как у только что сорванных с дерева личи — сочных и благоухающих.

Му Аню стало ещё интереснее. Неужели он так пропитался личи, потому что много их ел?

Он посмотрел на свою белую руку, облизнул губы и вдруг захотел укунить её, чтобы проверить, не на вкус ли она тоже как личи.

Перед выходом из ванной он долго распылял на себя блокатор, чтобы не оставить и следа, затем снова повысил уровень защиты на браслете и с невозмутимым видом вернулся за стол.

Мо Шиянь уже сидел и ждал его.

— Плохо себя чувствуешь? — спросил он.

— Нет.

Мо Шиянь дотронулся до его рукава.

— Почувствовал?

— Как ты узнал?! — ошеломлённо выпалил Му Ань.

Мо Шиянь не стал говорить ему, что его чувства обострены до предела и он замечает малейшие изменения в нём.

Маленький глупыш не до конца распылил блокатор, и на рукаве остался лёгкий запах.

Мо Шиянь взял новый флакон и снова обработал его одежду. Му Ань, чувствуя себя пойманным с поличным, покраснел до кончиков ушей.

Он провёл в больнице под наблюдением несколько дней, и никаких отклонений у него не обнаружили.

В школе закончились итоговые экзамены, и начались летние каникулы. Мо Сюаньчжу с друзьями пришёл его навестить.

Ребята, зная приличия, купили у входа в больницу большую корзину с фруктами. Мо Сюаньчжу, зная, что Му Ань любит личи, выбрал для него самую дорогую коробку. Двухсот юаней Му Аня не хватило, и они с Цзян Синланем добавили по сто, не дав Сун Юаню заплатить.

Они думали, что Му Ань тут скучает и выглядит измученным.

Но когда они открыли дверь, то увидели, что Му Ань смотрит кино вместе с братом, развалившись на нём, как будто у него нет костей, и закинув ноги на стол. Рядом на столике было полно всяких вкусностей, а лицо Му Аня было румяным и свежим. Он выглядел как маленький избалованный паша.

Он, видимо, пропустил мимо ушей слова Мо Шияня о соблюдении дистанции и всюду использовал брата в качестве подушки.

А брат и не возражал.

Увидев на пороге троих друзей с пакетами, Му Ань радостно вскочил.

— Как вы здесь оказались!

— Конечно же, пришли тебя проведать, — сказал Мо Сюаньчжу. — Но, похоже, ты тут неплохо устроился. А мы, между прочим, только что пережили муки итоговых экзаменов.

Му Ань помог отставить корзину с фруктами в сторону и взял у Мо Сюаньчжу коробку с личи.

— Пришли и хорошо, зачем же подарки.

Мо Сюаньчжу не стал церемониться и, схватив со стола крабовую ножку, засунул её в рот. Обернувшись, он увидел, что Цзян Синлань и Сун Юань всё ещё скромно стоят у двери.

— Здравствуйте, брат Шиянь, — первым поздоровался Сун Юань. — Я сосед Аньаня по парте, меня зовут Сун Юань.

— Здравствуй, — ответил Мо Шиянь.

Цзян Синлань уже несколько раз видел Мо Шияня, но каждый раз робел.

— Брат Шиянь, — пробормотал он.

Мо Шиянь кивнул. В этот момент в дверях появился Чжао Чжоу с кипой документов, которые требовали подписи Мо Шияня.

Чтобы не смущать ребят своим присутствием, Мо Шиянь собрался выйти, но Му Ань тут же схватил его за рукав.

— Брат, ты куда?

— Ты поиграй с друзьями, я буду в соседней палате.

— Зачем в соседней? Здесь же есть место, — Му Ань убрал со стола лишнее и сказал Чжао

Чжоу: — Кладите сюда, брат здесь подпишет.

Чжао Чжоу уже было собрался положить документы, но Мо Шиянь бросил на него выразительный взгляд, и тот удалился в соседнюю палату.

Му Ань, словно боясь, что Мо Шиянь не вернётся, не хотел его отпускать. Но за ними наблюдали трое друзей. Мо Шиянь что-то тихо сказал ему, и Му Ань, хоть и с неохотой, но отпустил его, провожая взглядом до тех пор, пока тот не скрылся за дверью.

Только тогда Цзян Синлань окончательно расслабился и плюхнулся на диван.

— Аньань, в следующий раз, если твой брат будет здесь, я лучше не приду.

— Почему? — спросил Му Ань.

— Мне одному кажется, что в его присутствии дышать трудно? — сказал Цзян Синлань. — Он такой грозный, я до сих пор боюсь посмотреть ему в глаза.

Мо Сюаньчжу швырнул в него подушкой.

— Как ты смеешь говорить гадости о брате Шияне в нашем присутствии?

— Это не гадости, это уважение, — возразил Цзян Синлань. — Аньань, ты просто поразителен. Как у тебя с братом такие хорошие отношения? Ты его не боишься? С самого детства не боялся?

Му Ань посмотрел на него как на странного.

— Не боюсь. Мой брат совсем не страшный, у него очень хороший характер.

— Хороший характер? Правда? — не поверил Цзян Синлань. — Сун Юань, скажи, по-твоему, его брат грозный или нет? Похож он на того, кто любит рубить людей на куски и скармливать рыбам?

Все посмотрели на Сун Юаня, ожидая ответа.

— Я бы не сказал, что он грозный, — ответил тот. — Когда он говорит с Аньанем, он кажется очень нежным. Может, он просто очень высокий, а когда не улыбается, выглядит немного сурово, поэтому и кажется грозным, — Сун Юань улыбнулся Му Аню. — Но он очень красивый.

Эти слова Му Аню понравились. Он почистил личи и протянул Сун Юаню.

— А ты разбираешься в людях!

Цзян Синлань всё ещё сомневался.

— Но у меня тоже есть брат, родной брат, и мы с ним не так близки. Мы дома постоянно дерёмся. Аньань, вы с братом когда-нибудь ссорились? Он тебя бил?

— Нет, — удивился Му Ань. — Твой брат тебя бьёт? Он же твой родной брат, он тебя не любит?

— Любит, конечно, — ответил Цзян Синлань. — Но бьёт — значит любит. Когда мы не дерёмся, у нас всё хорошо. Но он меня к себе близко не подпускает, одним пинком может в море отправить. Поэтому, когда я вошёл и увидел, как вы с братом вместе смотрите кино, я просто

обалдел.

Му Ань нахмурился. Разве это не естественно, что у них с братом хорошие отношения? В детстве он постоянно висел на нём, даже спал вместе с ним, но об этом он решил умолчать.

Мо Сюаньчжу, знавший кое-какие подробности, пнул Цзян Синланя.

— Хватит тебе. Ситуация в твоей семье и в семье Аньбяня несравнима. В каждой семье свои отношения, так что прекращай тут удивляться от зависти.

— Да какая это зависть! — возразил Цзян Синлань. — Я просто подумал, что есть одно слово, которое очень подходит Аньбяню.

— Какое же?

— Да ты просто помешан на своём брате, — усмехнулся Цзян Синлань.

— Только ты у нас такой умный, — фыркнул Мо Сюаньчжу.

— Поумнее тебя, — парировал тот.

Они снова начали возиться в палате. Му Ань и Сун Юань, давно привыкшие к их перепалкам, устроились на диване и продолжили смотреть кино.

Троица ушла вечером, перед тем как стемнело. Му Ань тут же побежал в соседнюю палату.

Весь ряд VIP-палат был свободен, других пациентов не было. Последние несколько дней Мо Шиянь, уложив Му Аня спать, иногда приходил сюда поработать.

Му Ань увидел, что брат всё ещё сидит за компьютером, видимо, на совещании. Одной рукой он подпирал подбородок, другая лежала на столе. Слушая отчёт, он мерно постукивал по столу длинными, точёными пальцами.

Му Ань не стал входить, чтобы не мешать, а тихонько наблюдал в щель приоткрытой двери.

Тусклый свет лампы создавал за спиной брата слабый ореол. Его холодные, властные черты тонули в полумраке. Когда он, опустив глаза, сидел с серьёзным лицом, от него исходила аура неприступности.

Он впервые видел брата за работой и, кажется, начал понимать страх Цзян Синланя.

Не успел он и минуты простоять, как Мо Шиянь поднял глаза и посмотрел в его сторону. Му Ань тут же расплылся в улыбке.

Лицо Мо Шияня, казалось, смягчилось. Он молча поманил его пальцем.

Му Ань радостно подбежал и заглянул в экран. Действительно, шло совещание.

Он мало что понимал в делах корпорации, но сообразил, что ему нельзя попадать в кадр, и тут же отпрянул в сторону.

Мо Шиянь усмехнулся и велел ему сесть рядом и подождать.

Му Ань кивнул и, вытащив из его кармана телефон, принялся играть.

На телефоне Мо Шияня был и его отпечаток пальца. Он открыл его и, обхватив колени, немного поиграл.

Этой игре его научил Мо Сюаньчжу, но играл он плохо и постоянно проигрывал. В конце концов он удалил игру со своего телефона и установил на телефон Мо Шияня, чтобы тот время от времени играл за него и прокачивал аккаунт. Так, когда ему снова захочется поиграть, у него уже будет высокий уровень и много красивых скинов и нарядов.

Поиграв несколько раз, он потерял интерес и, оставив игру включённой, заснул на диване.

Совещание должно было закончиться ещё не скоро. Мо Шиянь знал, что если сейчас перенесёт его, то разбудит, поэтому просто накрыл его своим пиджаком и забрал телефон.

Он посмотрел, как тот спит, закинув голову и тихо посапывая. Мо Шиянь наклонился и отвёл с его лба чёлку. Густые ресницы дрогнули, отбрасывая на веки тень. Он был похож на куклу ручной работы.

подавив желание снова прикоснуться к нему, чтобы не разбудить, Мо Шиянь отстранился и вернулся за стол.

Время, отведённое на наблюдение, закончилось, и Му Аня наконец выписали.

Уезжая, он чувствовал лёгкую грусть. Жить здесь было не так свободно, зато брат был с ним каждый день. Дома такого, конечно, не будет.

При выписке врач выписал Му Аню специальные блокирующие пластыри для омег в период созревания. Он сказал, что если железа снова опухнет или будет доставлять дискомфорт, нужно наклеить один — в нём содержится успокоительное.

Му Ань как раз чувствовал, что железа отекает, и, взяв один пластырь, пошёл в ванную.

Он никогда раньше не пользовался такими пластырями и не знал, как это делать. Разорвав упаковку, он достал маленький квадратный пластырь, оттянул воротник и, повернувшись к зеркалу, долго пытался прицелиться, но никак не получалось.

Нащупав железу рукой, он дотронулся до слегка припухшей кожи и тут же почувствовал незнакомую острую боль.

Му Ань невольно вскрикнул. Неудивительно, что брат не разрешал ему трогать шею — было и вправду очень больно.

Мо Шиянь тут же вошёл в ванную. Увидев его с поднятыми руками и растерянным лицом, с выступившими на глазах слезами, он подошёл и забрал у него пластырь.

— Сзади нужно отклеить плёнку, клеить примерно на позвоночник, чуть выше, — его движения были такими лёгкими, что Му Ань даже ничего не почувствовал, как услышал сверху: — Готово.

Прохлада от лекарства начала проникать в кожу, и Му Аню стало гораздо лучше. Он тут же начал придирается.

— Ты же говорил, что железу никому нельзя показывать? — напомнил он, моргая. — Включая брата.

— Верно, — сказал Мо Шиянь. — Тогда снимаю.

С этими словами он сделал вид, что собирается снять пластырь.

Му Ань так и застыл с широко раскрытыми глазами, не зная, что ответить. Он ведь совсем не это имел в виду.

Мо Шиянь лишь поддразнивал его. Он прижал уголки пластыря и легонько стукнул его по голове.

— Ты в первый раз не умеешь, я тебя научил, а ты вместо «спасибо» ещё и придираешься?

— Не придираюсь, — пробормотал Му Ань. — Ты сам так сказал.

— Сказал, — Мо Шиянь вывел его из ванной, усмехаясь. — Больше не буду смотреть.

Врач дал ещё несколько наставлений. Му Ань особенно интересовался, когда же его шея перестанет болеть.

— Перестать болеть она не сможет, — с улыбкой объяснил врач. — Когда твоя железа созреет, у тебя начнутся точки, временные метки и так далее. В школе на уроках биологии вам должны об этом рассказывать. Слушай внимательно, а если что-то будет непонятно, спрашивай у учителей и родителей, не стесняйся.

— На какой теме вы остановились на уроках биологии? — повернувшись, спросил Мо Шиянь.

Му Ань, уже начавший смущаться, забормотал и, потянув Мо Шияня за руку, зашептал:

— Не спрашивай, не спрашивай...

Его стеснение так позабавило врачей и медсестёр, что они не смогли сдержать улыбок.

Мо Шиянь, зная, какой он застенчивый, больше не стал расспрашивать.

Когда они сели в машину, Мо Шиянь попросил Чжао Чжоу заказать доставку некоторых средств гигиены для омег.

Му Ань слушал его предусмотрительные распоряжения, а сам думал о другом.

На нём сейчас блокирующий пластырь, значит, феромоны точно не выйдут наружу. Тогда, если он немного понизит уровень защиты на браслете, никто ведь не заметит, правда?

Ему было ужасно любопытно, чем пахнут феромоны брата.

Он помнил, что в детстве уже спрашивал об этом. Что тогда ответил брат?

Кажется, сказал, что расскажет, когда он вырастет.

Теперь он вырос, и брат уже знает запах его феромонов. Из вежливости, он ведь тоже может

понюхать его, да?

Спрашивать напрямую нельзя, ведь для другого пола это может быть расценено как домогательство.

Му Ань был очень воспитанным. Он не спросит, он понюхает тайком.

Любопытство сгубило кошку.

Чувствуя себя заговорщиком, Му Ань медленно подвинулся к Мо Шияню, потом ещё чуть-чуть.

Мо Шиянь разговаривал по телефону и, казалось, не замечал его движений.

Му Ань внутренне обрадовался, прикрыв рукой браслет, изменил настройки и тихонько, но глубоко вдохнул.

Как и ожидалось, он уловил очень лёгкий, приятный аромат!

Но тут же нахмурился. Это были не феромоны, а автомобильный ароматизатор, который недавно поменял Чжао Чжоу.

Он принюхивался и так, и этак, и в конце концов почти уткнулся носом в руку Мо Шияня, но так ничего и не почувствовал.

Как же так? Говорили ведь, что как ни контролируй, на одежде всё равно остаётся запах феромонов.

Неужели ни капельки?

То ли у него ужасающий самоконтроль, то ли у меня нос сломался.

Му Ань изо всех сил потёр кончик носа, пока тот не покраснел, и чихнул.

— Ты что делаешь? — Мо Шиянь оттолкнул его прилипчивую голову.

Му Ань тут же вернул настройки браслета в исходное положение и сел прямо.

— Брат Чжоу, у тебя новый ароматизатор очень приятно пахнет.

— ... — Чжао Чжоу молчал. — Я поменял его год назад.

— ... — теперь молчал Му Ань. — В общем, очень приятно пахнет.

Уголки губ Мо Шияня слегка дрогнули в улыбке.

В школе задали домашнее задание на лето. Му Ань попросил Сун Юаня забрать его, а Мо Сюаньчжу принёс ему всё домой. Он собирался его делать.

Поскольку он не сдавал итоговые экзамены, первое место в классе занял Цзян Синлань, Сун Юань тоже вошёл в первую двадчатку, и только Мо Сюаньчжу, как и ожидалось, оказался в конце списка.

Му Ань наслаждался летними каникулами и всеми силами оттягивал начало учебного года,

потому что тогда его ждало одно мучительное событие.

Он переходил во второй класс средней школы и должен был жить в общежитии.

По словам Мо Сюаньчжу, домой можно было ездить только раз в неделю. Хотя условия в школьном общежитии были отличными, можно было выбрать комнату на двоих, но быть запертым в школе целых пять дней было сродни заключению в тюрьму.

Мо Сюаньчжу уже пытался уговорить Лань Юэ не отправлять его в общежитие, но получил взбучку и слова о том, что раз все могут жить, то почему он должен быть исключением. Это напрочь отбило у Му Аня желание просить брата.

Он утешал себя тем, что в общежитии можно будет ходить на вечерние занятия и больше времени уделять учёбе. Он ведь хотел поступить в тот же университет, что и брат, а для этого нужно было усердно трудиться.

Эта мысль его успокаивала, но через пару дней он снова начинал сомневаться.

К счастью, летом ему не нужно было ходить на дополнительные занятия, и он мог целыми днями заниматься тем, чем хотел, что походило на предсмертный пир.

Рисование он не бросал, но, к сожалению, учитель Сюй перестал его учить после начальной школы. Мо Шиянь нашёл ему несколько новых учителей, но Му Аню они не нравились, и в последнее время он просто рисовал дома для себя.

Он уже зарисовал почти все пейзажи острова, и альбомы занимали больше половины книжной полки. Ему стало скучно дома, и, услышав, что в Ганши приезжает новая выставка, он стал упрашивать Мо Шияня пойти с ним.

К несчастью, в тот день у Мо Шияня была очень важная встреча. Му Ань с пониманием отнёсся к этому и сказал, что брат может заниматься своими делами, а его сводит брат Чжоу.

Мо Шиянь, не подав виду, отправил Мо Сюаньчжу красный конверт и велел ему пойти с Му Анем на выставку.

Мо Сюаньчжу не питал интереса к искусству, но за деньги был готов на всё.

Он примчался не один, а с кем-то ещё.

— Это Мэн И, он на два класса старше нас, осенью пойдёт в старшую школу, — представил он.
— Когда ты мне позвонил, я как раз играл с ним в мяч, вот и позвал его с собой.

Му Ань на мгновение замер, глядя на парня, а затем вежливо улыбнулся.

— Это ты.

Тот самый альфа, который внезапно появился у дверей его класса с пирожным, а потом так же внезапно исчез.

— Да, это я, — смущённо улыбнулся Мэн И.

— Раз вы знакомы, тем лучше, — обрадовался Мо Сюаньчжу. — Пойдёмте вместе развлекаться. Пошли, Аньань, мы ходим с тобой на выставку.

Чжао Чжоу отвёз их в выставочный центр. У входа уже было многолюдно, но менеджер провёл их через VIP-вход прямо в зал.

Для Му Аня выставка была раем. Он с огромным интересом рассматривал каждую картину, внимательно читая о её истории и биографии художника.

Мо Сюаньчжу от всего этого клонило в сон, и он, плетясь сзади, играл в телефоне. А вот Мэн И оказался терпеливым и не только сопровождал Му Аня, но и время от времени перебрасывался с ним парой слов.

— Кстати, — спросил Мэн И, — то пирожное, что я тебе приносил, было вкусным?

— Наверное... — с виноватым видом тихо ответил Му Ань.

— Что такое, ты его не съел? — спросил Мэн И.

— Прости, — честно признался Му Ань, — так получилось, что оно упало. Но я правда не специально.

— Ничего страшного, — махнул рукой Мэн И. — Это всего лишь пирожное. Если хочешь, я принесу тебе ещё.

— Не стоит беспокоиться, — поспешно отказался Му Ань. — Брат велел приготовить мне такое же, так что я его попробовал.

— Домашнее не сравнится с магазинным, — сказал Мэн И. — В магазине всё-таки вкуснее и аутентичнее.

Услышав их разговор, Мо Сюаньчжу тут же проснулся и вмешался:

— Когда его брат говорит «приготовить», это значит, что он купил для него кондитерскую, чтобы её шеф-повар лично приехал к ним домой и приготовил пирожное из свежайших импортных ингредиентов. Так какое, по-твоему, вкуснее и аутентичнее?

Мэн И, хоть и был из обеспеченной семьи, не мог себе представить, чтобы кто-то пошёл на такие траты ради пирожного. Он знал, что семья Мо Сюаньчжу была состоятельной, но о семье Му Аня ему было мало что известно.

— Такое... наверное, очень вкусное, — смущённо улыбнулся он.

— Очень вкусное, — улыбнулся Му Ань. — В следующий раз могу тебя угостить.

Чжао Чжоу всё это время следовал за ними в нескольких шагах, наблюдая, как они весело болтают.

Через некоторое время ему позвонили, и он ответил:

— Господин Мо.

— На ужин, скорее всего, не вернуться. Они втроём нашли ресторан, я их сейчас отвезу.

— Втроём. Кроме молодого господина Сюаньчжу, с ними ещё один новый друг.

— Да... альфа.

— Кажется, это тот самый, что приносил пирожное, — добавил Чжао Чжоу.

<http://bllate.org/book/13682/1212304>